HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Репрессированный ислам: массовые операции ОГПУ в Татарской АССР в 1930-1931 гг. на селе и в городе (на примере архивно-следственных дел мухтасибов Салимьярова и Иманкулова)
Author(s)	Ильнур, Рафаэлевич Миннуллин
Citation	Acta Slavica Iaponica, 47(1), 109-133
Issue Date	2026
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/100352
Type	departmental bulletin paper
File Information	07_Acta47-1_Миннуллин.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 47, Issue 1, pp. 109–133

Репрессированный ислам: массовые операции ОГПУ в Татарской АССР в 1930–1931 гг. на селе и в городе (на примере архивно-следственных дел мухтасибов Салимьярова и Иманкулова)

Ильнур Рафаэлевич Миннуллин

Введение

Религиозная политика большевиков основывалась на стремлении к полному вытеснению религии из жизни государства и общества. В зависимости от общей социально-политической обстановки в стране менялась лишь тактика борьбы — от тотального уничтожения религиозных институтов и верующих до вынужденной либерализации государственно-религиозных отношений.

1920–1930-е гг. являются наиболее кровавым периодом в истории взаимоотношений государства с религиозными объединениями в СССР. Вместе с тем этот период неоднороден: он различается хронологически, территориально и конфессионально. Так, уже в пределах 1920-х гг. история государственно-исламских отношений на территории Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) прошла несколько этапов: от вынужденного «заигрывания» с исламом — к постепенному установлению контроля над исламскими институтами и, в конечном итоге, к политике их подавления.[1]

К концу 1920-х гг. советская религиозная политика окончательно свелась к уничтожению всех конфессий, их идеологии и ее носителей. Наряду с запретом мусульманских школ и медресе, закрытием мечетей, введением повышенных налогов и сборов для религиозных деятелей и их раскулачиванием, основным методом антирелигиозной борьбы стали массовые репрессии.

Несмотря на то, что со времени распада СССР прошло более тридцати лет, нельзя утверждать, что проблема политических репрессий в отношении мусульман получила всестороннее освещение в научной историографии. После принятия Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» (1991 г.) началось рассекречивание материалов

1 Тема государственно-исламских отношений в ТАССР в 1920–1930-е гг. изложена мной в работе: *Миннуллин И.Р.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). Казань: Издательство Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006.

архивно-следственных дел — при условии реабилитации проходивших по ним лиц. Эти материалы стали важным источником для исследователей постсоветского периода.

В 1990-е гг. были подняты темы репрессий в годы Гражданской войны, коллективизации и «большого террора» в ТАССР, а также предприняты попытки анализа архивно-следственных дел как исторического источника.[2] В 2000-е гг. этот процесс продолжился: в 2000 г. было начато издание «Книги памяти жертв политических репрессий» по Республике Татарстан,[3] появились специальные исследования, посвященные репрессиям в ТАССР.[4]

Во всех этих работах «исламский фактор» рассматривался, как правило, эпизодически. Поэтому можно утверждать, что системное рассмотрение репрессий против мусульманских деятелей ТАССР как целенаправленной политики советской власти впервые было предпринято в исследованиях автора данной статьи в первой половине 2000-х гг.[5] В 2010-е гг. появились аналогичные исследования по другим регионам.[6]

Проблематика настоящей статьи частично затрагивалась в более ранних работах автора, однако преимущественно в контексте общей репрессивной политики. В данном исследовании предпринимается попытка подробного анализа архивно-следственных дел как самостоятельного источника.

2 *Валеев Р.К.* Фажига. Казан: Татарстан китап нэшрияты, 1996; *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Казань: Татарское газетно-журнальное издательство, 1995; *Литвин А.Л.* Следственные дела как исторический источник // Гасырлар авазы — Эхо веков. 1995. № 2. С. 170–177; *Степанов А.Ф.* Расстрел по лимиту: Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань: Новое Знание, 1999; *Султанбеков Б.Ф.* Архивы КГБ: Легенды и реальность // Мертвым не больно. Больно живым: Сб. статей. Казань: ООП управления «ТатАСУнефть», 2000. С. 86–94; *Султанбеков Б.Ф.* Массовые репрессии 1930-х // Мертвым не больно. Больно живым: Сб. статей. Казань: ООП управления «ТатАСУнефть», 2000; *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань: Татарское книжное издательство, 1999.

3 Книга Памяти жертв политических репрессий. Республика Татарстан. Казань: Книга Памяти, 2000–2014. Издание 28 томов завершено в 2014 г. В первые 18 томов вошли осужденные по 58-й статье УК РСФСР, с 19 тома — подвергнутые административным репрессиям.

4 *Багавиева С.С.* Политические репрессии в Советском Татарстане, 1918 — начало 1950-х годов: Анализ и характеристика источников: Диссертация ... канд. ист. наук. Казань, 2003.

5 *Миннуллин И.Р.* Дело «нелегального медресе» в Казани. 1927–1928 гг. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2002. № 3–4. С. 110–117; *Миннуллин.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане; *Миннуллин И.Р.* Мусульманское духовенство в условиях политических репрессий 1920–1930-х гг. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007.

6 Например: *Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н.* Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей). Москва, Нижний Новгород: ИД «Медина», 2013; *Беккин Р.И.* «Мусульманскую мечеть, как здание культа — закрыть…» (Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.) // Minbar. Islamic Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 529–555.

Источниковая база статьи сформирована на основе материалов Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Татарстан (Архив УФСБ РФ по РТ), выявленных в 2003 г. Было изучено около пятидесяти следственных дел, возбужденных в отношении мусульманских деятелей Татарстана. В выборку вошли дела всех имамов и муэдзинов Казани, а также *мухтасибов* ТАССР[7]; дела других репрессированных мулл анализировались выборочно. Такой подход обусловлен отсутствием в архиве полной описи фонда архивно-следственных дел.

Часть дел в 1990-е гг. была передана в Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ), впоследствии вошедший в состав Национального архива Республики Татарстан (ныне Государственный архив Республики Татарстан — ГА РТ).

Следственные дела представляют собой уникальный источник высокой научной ценности, оставаясь при этом недостаточно исследованными. Как правило, они включают протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, ордера на арест и обыск, различные заявления, обвинительное заключение, приговор и документы о его исполнении. Отдельные тома могут составлять наблюдательное дело (материалы агентурных сообщений) и реабилитационное дело.

Для конца 1920-х — начала 1930-х гг. характерны объемные, многотомные дела. Напротив, для 1937–1938 гг. типично «сокращенное» делопроизводство: массовость репрессий требовала ускоренного рассмотрения дел, зачастую ограничивавшегося одним допросом обвиняемого и одним-двумя свидетелями с вынесением решений внесудебными органами («тройками»).

7 В 1923 г. был утвержден «Устав духовной организации мусульман РСФСР». Организация включала следующие органы: Съезд представителей мусульманского духовенства и приходов, Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ), Совет улемов, Управление мухтасибатов, приходские управления — *мутаваллияты*. ЦДУМ являлось исполнительным органом съезда и состояло из председателя — муфтия и шести членов управления — *казиев* (шариатский судья). Следующей структурой в организации были *мухтасибаты* — среднее звено системы религиозного управления между ЦДУМ и махаллей. Это было районное духовное объединение мусульман, состояло из председателя — *мухтасиба* и двух его заместителей — *мушавиров*. На территории ТАССР до конца 1920-х гг. было 26 *мухтасибатов*. Низшим звеном в организации были приходские управления — *мутаваллияты*. В татароязычных источниках эта локальная мусульманская община традиционно продолжала называться «*махалля*», а в русском варианте обозначалась словом «приход». Духовенство прихода по Уставу составляли *имам-хатыйб* (*имам-хатиб*) и муэдзин. В рассматриваемый период словосочетание «*имам-хатиб*» практически не употреблялось в советском делопроизводстве. В основном использовались термины «имам» или более чаще — «мулла», которое включало в себя все духовенство, т.е. и муэдзинов, и *имам-хатибов*, и *мухтасибов*.

Следственные дела позволяют не только реконструировать картину советского террора, но и выявить его направленность. Например, изучение многих дел в отношении мусульманских деятелей позволило определить, что деятельность карательных органов была направлена, прежде всего, на выявление связей низшего звена с высшим, мусульманских лидеров Татарстана с религиозными деятелями соседних регионов и заграницей. Арест одного муллы не являлся самоцелью, а был лишь звеном в цепи мнимых контрреволюционных заговоров. Следственные дела также являются ценным источником для изучения деятельности, социально-экономического положения мусульманского духовенства. В то же время выявить эти аспекты достаточно сложно, так как иногда невозможно определить грань между настоящим и сфабрикованным материалом.

Красный террор в первые годы советской власти

Карательная политика советского государства с первых дней была направлена против различных слоев общества. Духовенство рассматривалось как «чуждый элемент» и «эксплуататорский класс», подлежащий ликвидации.

Революционные события и начавшаяся Гражданская война стали первым этапом реализации репрессивной политики в отношении духовенства. В этой связи необходимо кратко охарактеризовать общественно-политическую ситуацию в Татарстане в 1917–1920 гг., поскольку она оказала влияние на репрессии последующих периодов.

После Октябрьского переворота 1917 г. власть в стране, в том числе и в Казани, начала переходить в руки большевиков. Это вызвало неоднозначную реакцию в татарском политическом движении, как и в российском обществе в целом. Часть татарской национальной элиты сосредоточилась вокруг Милләт Мәҗлесе (Национального собрания) в Уфе, где обсуждались различные проекты государственного устройства тюрко-татарских народов.

Наиболее популярным был проект создания штата Идель-Урал, который предполагал объединение Казанской, Уфимской, а также частей Самарской, Симбирской, Вятской, Пермской и Оренбургской губерний с преобладающим тюрко-татарским населением. В реализации этого проекта важная роль отводилась II Всероссийскому мусульманскому военному съезду, начавшему работу в январе 1918 г. в Казани. Его делегаты поддержали идею создания Идель-Урала как автономии в составе Советской России.

Однако уже в феврале 1918 г. руководители съезда были арестованы большевиками. Татарское население Казани отреагировало на это протестами. Делегаты съезда переместились в татарскую часть города за протоку Булак, где провозгласили Татарскую автономную республику,

вошедшую в историографию под названием «Забулачная республика». Она просуществовала около месяца и была ликвидирована большевиками.

По сути, эти события ознаменовали начало Гражданской войны в регионе. Летом 1918 г. Казань оказалась в эпицентре военных действий. В Поволжье серьезную угрозу для советской власти представлял Чехословацкий корпус, сформированный осенью 1917 г. из военнопленных и эмигрантов бывшей австро-венгерской армии (так называемые «белочехи»).

В июне 1918 г. Самара перешла под контроль белочехов, где был создан Комитет Учредительного собрания (Комуч). Его «Народная армия» совместно с белочехами постепенно вытесняла большевиков из Поволжья. 7 августа 1918 г. ими была взята Казань. Комуч поддерживали лидеры татарского национального движения, выступавшие за реализацию проекта Идель-Урал.

В ходе установления контроля над городом белые осуществили репрессии против представителей советской власти. Однако уже 8 сентября 1918 г., после ожесточенных боев с Красной армией, они были вынуждены оставить Казань. Вместе с ними город покинули многие жители, не принявшие советскую власть.

События 1918 г. впоследствии стали одним из оснований для репрессий против противников советской власти. В первую очередь они затронули православные организации: были ликвидированы монастыри, началось изъятие церковных ценностей. Десятки тысяч представителей православного духовенства подверглись расстрелам. Так, в 1918 г. были расстреляны более 20 священников Казанской епархии. Митрополит Казанский и Свияжский Кирилл, назначенный на кафедру в 1920 г., уже через месяц был арестован и в дальнейшем большую часть жизни провел в тюрьмах и ссылках.

По сравнению с антицерковной кампанией мусульманские приходы первоначально оказались в меньшей степени затронуты экспроприацией. Тем не менее репрессии коснулись и мусульманского духовенства. Одной из первых жертв красного террора стал имам Сенной мечети Казани, *мухтасиб* Габдулла Апанаев. В 1919 г. он был расстрелян по обвинению в участии в организации «Забулачной республики». Согласно рапорту об аресте, Апанаев «во время господства чехословаков в Казани выступал на Юнусовской площади с речью против большевиков и по его указанию был арестован один из видных коммунистов Мулла-Нур Вахитов[8]».[9]

8 Муллануp Вахитов (1885–1918) — татарский революционер, участник Октябрьского вооруженного восстания в Казани. В 1918 г. — комиссар Центрального мусульманского комиссариата, член коллегии Наркомата по делам национальностей РСФСР, председатель Центральной мусульманской военной коллегии, руководил формированием мусульманских частей Красной Армии, в августе 1918 г. возглавил второй татарско-башкирский батальон и принял участие в обороне Казани, после захвата которой расстрелян белогвардейцами.

9 Архивно-следственное дело № 2-11365 // ГА РТ. Ф. П-8233. Оп. 2.

Гражданская война тяжело отразилась на положении крестьянства, вынужденного обеспечивать продовольствием как Красную, так и Белую армии. Усиливался и репрессивный характер советской аграрной политики, центральным элементом которой стала продовольственная разверстка (продразверстка) — принудительное изъятие у населения «излишков» сельскохозяйственной продукции.

Продразверстка осуществлялась органами Народного комиссариата продовольствия и продовольственными отрядами при поддержке комитетов бедноты. Эта политика вызывала массовое недовольство и ожесточенное сопротивление крестьян.

Так, в 1920 г. территория Казанской, Уфимской и Самарской губерний была охвачена крестьянскими выступлениями против продразверстки, получившими в историографии название «Вилочное восстание» (восстание «Черного орла»).[10] Ожесточившиеся крестьяне вымещали злость и отчаяние не только на продотрядовцах, но и учителях, коммунистах, советских служащих.

В ходе подавления восстаний военной силой уничтожались не только участники выступлений, но и мусульманские деятели, обвиненные в их идеологическом руководстве. Впоследствии подобные обвинения, наряду с участием в «Забулачной республике» или поддержкой белого движения, стали типичными основаниями для политических репрессий в отношении мусульманского духовенства.

Перед началом массовых репрессий: 1927–1928 гг.

Репрессии в отношении духовенства продолжались на протяжении всего периода Гражданской войны. Однако в это время карательная политика еще не носила характера массового уничтожения мусульманских религиозных деятелей.

Окончание войны и переход к мирному государственному строительству ознаменовали собой период относительного затишья в отношениях между властью и религиозными организациями. Тем не менее уже с середины 1920-х гг. репрессивная политика начала постепенно усиливаться.

Репрессии против мусульманского духовенства в 1927–1928 гг. имели ряд общих черт. Аресты, как правило, производились по обвинению в «религиозной агитации», при этом сроки лишения свободы или ссылки обычно не превышали трех лет. Ключевым элементом обвинений становилась деятельность религиозных лидеров в сфере образования.

10 См., например: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002; *Литвин А.Л.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны: Материалы: Учеб. пособие к спецкурсу / М-во просвещения РСФСР. Казан. гос. пед. ин-т. Казань: [б. и.], 1972.

В 1923 г. советское правительство было вынуждено пойти на определенные уступки мусульманам, разрешив открытие религиозных школ.[11] Постановление ЦИК и СНК СССР (октябрь 1923 г.) допускало организацию группового преподавания вероучения вне общеобразовательных школ — в мечетях и частных домах, в свободное от занятий время, для лиц, достигших совершеннолетия по шариату и имеющих образование не ниже трех классов школы первой ступени.

Однако последующие нормативные акты значительно ограничили возможности религиозного образования. Согласно инструкции НКВД ТАССР, обучение разрешалось проводить исключительно в мечетях, только служителями культа, только в выходные дни и лишь для учащихся, завершивших полный четырехлетний курс школы первой ступени либо достигших 14-летнего возраста. Таким образом, создавались условия, при которых значительная часть подростков, формально соответствуя требованиям, фактически утрачивала интерес к религиозному образованию.

В целом деятельность местных органов власти была направлена на последовательное ограничение религиозного образования. Если программа Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) предусматривала четырехлетний курс обучения, то государство фактически сокращало его до трех лет. Допускалось преподавание лишь основ богослужения и чтения Корана, тогда как такие дисциплины, как история ислама или мусульманская этика, исключались из программы. Запрещалось также использование ряда учебных пособий, в том числе по родному языку, преподавание которого в религиозных школах не допускалось.

Период до 1927 г. характеризовался, с одной стороны, количественным ростом религиозных школ, а с другой — усилением требований со стороны верующих к расширению их деятельности: предлагалось разрешить обучение вне мечетей, использовать специальные здания, снять возрастные ограничения и т. д. Пик развития этой образовательной системы пришелся на 1926 г., когда число школ достигало 800–1000, а количество учащихся — около 30 тыс. человек.[12]

Однако уже к концу 1926 г. государственная политика изменилась: было принято решение о постепенном свертывании религиозного образования, завершившемся в 1928 г. закрытием мусульманских школ.

---

11 Эта тема изложена мной в ранее указанных работах, а также в: Ilnur Minnullin, "Islamic education in Soviet and post-Soviet Tatarstan," in M. Kemper, R. Motika and S. Reichmuth, eds., *Islamic Educati*on in *the Soviet Union and Its Successor States* (London: Routledge, 2010), pp. 21–67.

12 Эти данные приводятся по материалам Татарского Обкома РКБ (б) (ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 2. Д. 407; Д. 266). В них не указан конкретный статистический период, только год — 1926. По материалам Народного комиссариата просвещения ТАССР на апрель 2026 г. число школ достигало 600–700, а количество учащихся — около 20 тыс. человек (ГА РТ. Ф. П-3682. Оп. 1. Д. 1008). Более поздних данных комиссариата не выявлено.

Одновременно перед мусульманским сообществом стояла задача восполнения кадров духовенства. В связи с этим в 1920-е гг. предпринимались попытки создания средних религиозных учебных заведений и краткосрочных курсов подготовки имамов. В конце 1924 г. казанские имамы создали комиссию по организации медресе, однако в условиях административного давления ограничились проведением курсов переподготовки. В 1925 г. предпринималась новая попытка открытия медресе, сопровождавшаяся сбором средств, однако она также не была реализована из-за противодействия органов ОГПУ. В январе 1928 г. Восточный отдел ОГПУ представил в Президиум ЦИК СССР предложения, фактически исключившие возможность открытия медресе в Казани.

Одним из первых мулл, кто с началом новой волны репрессий, с середины 1920-х гг., подвергся преследованиям, стал имам мечети г. Агрыза, *мухтасиб* Агрызско-Елабужского района Якуб Адутов, известный своей деятельностью в области мусульманского образования (в 1927 г. лишен права проживания в ряде крупных городов и губерний, в том числе и Татарстане, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года).

Затем был арестован имам с. Нижние Чершилы (ныне Лениногорского района РТ), *мухтасиб* Бугульминского кантона[13] Абдулбари Фаттахов, главным направлением деятельности которого стало открытие религиозных школ в селах своего *мухтасибата* и ряде населенных пунктов соседних с ТАССР областей (в 1929 г. приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года и отправлен на Соловки). По тем же мотивам был репрессирован известный религиозный деятель, ученый и просветитель, педагог, имам-хатиб в с. Ядыгерь (ныне Кукморского района РТ), *мухтасиб* Мамадышского кантона Халиль Султанбеков (Халиль Ядгари) (в 1930 г. приговорен к трем годам заключения в концлагере, отбыл наказание на Беломорканале).

В тот же период ОГПУ был произведен ряд арестов видных религиозных деятелей Казани. Летом 1928 г. в качестве обвиняемого по делу молодежной организации «Хакикат Юлдузы» был привлечен имам Казаковской мечети Гаяз Якубов (приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года).[14] В это же время было начато дело «нелегального медресе» в Казани.[15] По нему были репрессированы имам Сенной мечети

13 Кантон — административно-территориальная единица Советской России, которая в 1920 г. заменила уезды. Кантоны делились на волости. Кантоны ликвидированы в ТАССР в 1927–1930 гг. после появления районов.

14 По обвинению Кадыра Закирова, муллы Гаяза Якупова и муэдзина Шарифзяна Ибрагимова, Абдуллина Зуфара // Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2-8932. Об этом деле см.: *Кашапов Р.* «Дитя Ислама» // Татарстан. 1995. № 5–6. С. 131–135.

15 По обвинению Назмутдинова Джиганьши, Гафарова Кияма, Алтынбаева Таиба, Сулейманова Хамзы и Муракаева Амина // Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2-8588. Об этом деле см.: *Миннуллин И.Р.* Дело «нелегального медресе» в Казани. 1927–1928 гг. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2002. № 3–4. С. 110–117.

Таиб Алтынбаев, имам Азимовской мечети Киям Гафаров (оба приговорены к высылке на три года), имам Галеевской мечети Шагар Шараф (приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года).

Следствие по указанным делам велось параллельно. Их общей целью было подавление мусульманского образования путем устранения наиболее активных религиозных деятелей.

Массовые операции ОГПУ против духовенства: 1930–1931 гг.

Как следует из изложенного, до рубежа 1920–1930-х гг. карательная политика советского государства в отношении духовенства еще не носила системного характера. Первая по-настоящему массовая волна репрессий начинается в конце 1920-х гг., в условиях перехода к форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

С этого времени репрессивная политика была направлена уже не столько против духовенства как носителя религиозной активности, сколько против него как предполагаемого организатора антиколхозного сопротивления. Практически все осужденные в 1929–1932 гг. мусульманские религиозные деятели обвинялись в противодействии коллективизации и другим хозяйственным кампаниям, а также в организации кулацких группировок.

В этот период религиозная деятельность фактически приравнивалась к антиколхозной, особенно в случаях отсутствия доказательств прямого участия духовенства в сопротивлении созданию колхозов. Это было характерно и для репрессий в отношении городских имамов, которым приписывалась роль идейных вдохновителей сельских выступлений и антисоветских настроений в целом.

Начавшаяся коллективизация, сопровождавшаяся раскулачиванием, изначально предполагала сопротивление со стороны крестьянства. Во многих регионах СССР возникали очаги крестьянских волнений. Одним из примеров стали события 1929–1930 гг. в Буинском кантоне, где ТатОГПУ провело одну из первых массовых операций по делу так называемой «контрреволюционной кулацко-мульской и националистической организации».[16]

Центральной фигурой этого дела стал мулла, *ишан* с. Старая Задоровка (ныне Дрожжановский район РТ) Сафа Биккулов, приговоренный в 1931 г. к расстрелу. Данное дело стало своего рода прологом к масштабной кампании репрессий против духовенства.

В отчетных документах ОГПУ отмечалось, что в 1928–1929 гг. было репрессировано значительное число представителей духовенства, однако эти меры носили несистемный характер. Для устранения этого «недостатка»

16 Об этих событиях см.: *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа. Казань, 1999. С. 261–270.

была разработана директива ТатОГПУ от 25 января 1930 г. «О массовой операции по кулацко-белогвардейскому и бандитскому элементам», ставшая методическим руководством для районных отделов ОГПУ.

Во вступительной части директивы указывалось: «*Этот кулацко-белогвардейский, в том числе поповско-мульский элемент, как в период хлебозаготовительной кампании, так тем более в последнее время, в период усиленного темпа перехода основной массы крестьянства на коллективные формы сельского хозяйства, не только вел и ведет антисоветскую агитацию против социалистических мероприятий Соввласти на селе, но и открыто выступает против этих мероприятий, вдохновляя террористические акты против местных активистов, наталкивает и подстрекает несознательную часть населения сел и деревень на массовые выступления, умело используя религиозные предрассудки и фанатизм темной массы*».[17]

Массовая операция была запланирована в связи с возможными выступлениями на почве кампании раскулачивания и превращалась в тотальную ликвидацию «неугодных» элементов.

Подробно расписывалось ведение дел: «*При оперативной проработке сел и деревень не ограничивать себя узкой задачей — только лишь изъять кулацко-белогвардейский элемент, а ставить перед собой гораздо глубже и серьезнее задачу: выявления и разоблачения других антисоветских элементов…; выяснять физиономию каждого из них, …, круг их знакомства и связи…. При такой постановке вы сможете вскрыть контрреволюционную группировку или организацию там, где вы даже и не допускали возможности существования такой*».[18] То есть, для оперативников изначальна была поставлена задача выявления не столько контрреволюционеров-одиночек, сколько объединения их в некую организацию, причем, любая степень знакомства подозреваемых, не говоря уже о родстве, могла служить признаком организационного оформления, а следовательно — целой группировки.

При «обнаружении» признаков какой-либо организации предписывалось обеспечить следствие агентурной разработкой и далее идти строго по плану: а) выяснить и доказать антисоветскую деятельность каждого участника группировки в данном селе, «*особенное внимание сосредотачивая на интеллигенции, бывшем офицерстве, поповско-мульском элементе и влиятельных в этой местности кулаках и торговцах*»; б) выяснить, кто из участников, какую и с кем имели связь в других селах, волостях, районах и кантонах, и сосредоточиться уже на них. Таким образом, задавалась некая общая схема для «раскрытия» крупных организаций: «*При этих условиях разрабатываемая вами кулацко-белогвардейская группировка, как вы видите сами, уже перерастает в контрреволюционную организацию. Здесь нужно только проявить чекистское искусство и энергию…*».[19]

17 Книга памяти жертв политических репрессий. Республика Татарстан. Т. 1: «А». Казань, 2000. С. 50.

18 Там же. С. 52.

19 Там же.

Однако даже на этом следствие не должно было останавливаться. В тех случаях, когда по делу проходили известные и влиятельные лица, разрабатывались их связи не только с кантонными городами, но и дальше — с Казанью и даже другими областями. При таком ходе дела можно было «сконструировать» организацию не только районного или кантонного, но и республиканского или межобластного масштаба.

Чуть позже, приказом ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г. планировалось форсированными методами развернуть широкомасштабные операции «в целях организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти…».[20]

Репрессии должны были проводиться по двум основным направлениям:

— немедленная ликвидация «активных контрреволюционных элементов» (первая категория);

— массовое выселение «кулаков» и их семей с конфискацией имущества (вторая категория).

Итогом операции должна была стать полная «очистка» сельской и городской местности от «махровых кулацко-белогвардейских элементов». Среди бывших помещиков, торговцев, военных, «вилочников», бандитов и других категорий предполагалось репрессировать духовенство, ишанов и сектантов.

Чуть позже по этому поводу ТатОГПУ распространил новый циркуляр от 13 марта 1930 г., в котором содержалось категорическое требование к уполномоченным следующего содержания: «*… представить сведения церквей, мечетей, духовенства и сектантства…, немедленно организуя тщательную проверку действительно сложившегося положения. При этом предупреждаю сугубую осторожность репрессий, проводя их с учетом обстановки и действительных конкретных данных активной контрреволюционной деятельности, каждый раз предварительно решая вопрос о каждом объекте*».[21]

Вслед за этим началась массовая кампания ликвидации кулачества, в ходе которой было сформировано несколько дел и по представителям духовенства, обвиняемых в контрреволюционном, антиколхозном движении. Руководствуясь указанными директивами, местные органы ОГПУ старались выходить на крупные групповые дела.

Так, в июле-августе 1930 г. было сформировано дело о контрреволюционной группе в Мамадышском районе, «возглавляемой» муллой с. Усали Латыфом Камаловым (в 1931 г. приговорен к высшей мере наказания).

Подобная операция ТатОГПУ была направлена и на ликвидацию группы, в «зоне влияния» которой были несколько сел Тукаевского, Арского, Дубъязского и Тюнтерского районов. Это дело было разработано вокруг

20 Мертвым не больно. Больно живым. Казань, 2001. С. 312–315.

21 Книга памяти. С. 53.

мухтасиба Тукаевского района Самигуллы Сулейманова (приходился двоюродным братом имаму Московской мечети, *казию* ЦДУМ Абдулле Сулейманову).

Более показательна в этом отношении следующая крупная операция, начатая весной 1931 г. В сентябре того же года ТатОГПУ было завершено следствие по делу так называемой «контрреволюционной буржуазно-националистической религиозной повстанческой организации» в Мамадышском, Сабинском и Рыбно-Слободском районах (бывший Мамадышский кантон).[22] Оно было построено по типичному образцу, предписанному указанными директивами. Во главе «организации» следствием был «поставлен» известный и авторитетный имам в г. Мамадыш, *мухтасиб* Мамадышского кантона Мухамет Беркутов. По ходу следствия в «организацию» объединено более 70 человек, проживающих в разных селах, которые составляли 15 «контрреволюционных» групп, во главе с муллами. В обвинительном заключении была подробно расписана работа каждой группы. Однако на этом уровне масштаб «организации» был бы незначителен. Традиционно в подобных делах приписывались связь с Казанью и ЦДУМ, выход на другие регионы, в данном случае — на Среднюю Азию. Из 76 человек, осужденных по этому делу, 16 были представителями духовенства. Постановлением тройки ГПУ ТАССР от 31 октября 1931 г. наиболее активные из них — М. Беркутов, А. и М. Якуповы, А. Гайнетдинов, Г. Мифтахутдинов — были приговорены к десятилетнему заключению в концлагере, остальные — на сроки от трех до восьми лет.

«Дело мухтасиба Салимьярова»

По своей структуре и логике «дело Салимьярова» практически полностью воспроизводило модель, апробированную в «деле Беркутова». Оно охватывало территорию Мензелинского, Актанышского и Муслюмовского районов ТАССР — восточные районы республики, граничившие с Башкирской АССР.

Оно было сходно с «делом Беркутова» буквально во всем.

Главой «организации» был определен известный религиозный деятель, мулла д. Табанлы-Куль Актанышского района, бывший *мухтасиб* 5 района Мензелинского кантона Хафиз (Ахмадхафиз) Салимьяров.

Материалы дела насчитывали 11 томов, а обвинительное заключение занимало 95 листов, что само по себе свидетельствует о его масштабности и значении для органов ОГПУ. Традиционно оно начинается с предыстории «организации». По данным ОГПУ это были религиозно активные и богатые районы: кулачество здесь имело большие земли, а приходы имели по 3–4 служителя культа, «которые являлись тоже выходцами из кулацких

22 По обвинению Беркутова М. Г. и др. // Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2-14047.

семей». Это было «почвой» для антисоветских выступлений в годы гражданской войны: население указанных районов оказывало поддержку белогвардейцам, участвовало в «Вилочном восстании» 1920 г., выступало против мероприятий в период военного коммунизма.[23]

По обвинительному заключению эта «контрреволюционная, религиозно-повстанческая, буржуазно-националистическая организация» начала формироваться» в годы НЭПа (конкретно указан 1924 г.) с целью «свержения Советской власти» и «оформилась» к 1930 г. Обвинения были стандартны для этого периода — агитация против коллективизации, развал колхозов, срыв сельских мероприятий, распространение пораженческих слухов и т.д.

«Организация» включала в себя 20 «кулацко-мульских к/р[24] ячеек» с «членами» из 25 деревень. «Руководящее ядро» составляли 27 человек, 22 из которых — муллы.[25] Это были как действующие, так и бывшие муллы. Собственно обвинительное заключение и начинается с указания, что Салимьяровым «вербовались» бывшие муллы, так называемые «снявшие сан»,[26] которым предлагалось вернуться к религиозной деятельности. Так по показаниям муллы с. Буляк Муслюмовского района Зии Шаймарданова, его ругали за статью в газете,[27] велели просить прощения в ЦДУМ и разрешения снова стать муллой. В материалах дела есть данные, что Шаймарданов был муллой с 1913 г., «снял сан» в 1928 г., но продолжал исполнять обязанности. В деле есть еще несколько примеров таких бывших мулл.

Из свидетельских показаний следует, что основной причиной отказа мулл от официальной деятельности Салимьяров видел непосильное налогообложение духовенства: «Мулл обложили большим налогом, многие муллы отказались от сана из-за тяжести налогов, если бы мулл было больше, то что-нибудь бы вышло, можно было бы действовать через народ, муллам народ верит, но муллы эти тяжелые времена не выдержали».[28]

---

23 Как пример, здесь указано с. Такталачук Актанышского района (бывший крупный волостной центр (волость — нижняя единица административно-территориального деления в дореволюционной и советской России до 1929 г.), 400 крестьянских хозяйств), в котором было убито 16 продотрядников.

24 «К/р» (иногда «каэр») — распространенное в советском делопроизводстве сокращение словосочетания «контрреволюционный».

25 Здесь под муллами имеются ввиду как имамы, так и муэдзины.

26 В советском делопроизводстве и публицистике для мусульманских деятелей, оставивших официальные должности, по аналогии с православной традицией использовались такие же термины как «снятие сана», «снявшие сан» («отречение от сана», «отрекшиеся от сана»).

27 Здесь имеется ввиду публикация в районной газете «Игенче» 1929 г., в которой мулла Шаймарданов «разоблачал» обман других мулл и призывал отдать мечети государству. Такие антирелигиозные статьи с фактами «снятия сана» очень практиковались в советской прессе 1920-х годов.

28 Архивно-следственное дело № 2-18359 // Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2-18359. Т. 11. Л. 265.

Также к делу были приобщены показания о том, что обвиняемый по другому групповому делу *мушавир*[29] Ишалин Кашаф, мулла с. Нижний Табын Муслюмовского района, в 1929 г. вел агитацию за одновременное «снятие сана» всеми муллами, чтобы вызвать этим недовольство населения к власти. Но якобы Салимьяров был против этого, боясь, что «масса уйдет из-под влияния».

Традиционно в обвинительных заключениях против духовенства фиксировалось также их участие в кампании по открытию религиозных школ в середине 1920-х гг. Так Салимьяров был инициатором открытия медресе для подготовки и переподготовки мулл в с. Поисево Актанышского района, которое за короткое время выпустило 40–50 мулл. При чем этот факт зафиксирован только на основании свидетельского показания.

Первоначально был арестован 141 человек. Практически по всех допросах следователи пытались установить их связь с Салимьяровым. Допрашиваемые отмечали, что это очень умный и авторитетный мулла. 4 апреля 1931 г. был арестован сам *мухтасиб*.

Первый допрос Салимьярова был проведен в день его ареста. Здесь важной является логика допросов: уже с первого допроса видна основная цель ОГПУ — собрать материал на руководство ЦДУМ. Все допросы становятся более подробными в тех местах, где речь идет о тех или иных деятелях муфтията, о группировках внутри него, стремлении самороспуска, фактах подготовки известного обращения муфтия к правительству.

Значительную часть первого допроса занимают вопросы и ответы по поводу подготовки поездки муфтия Фахретдина к поездке в Москву в 1930 г.[30] Со слов Салимьярова поездка задерживалась из-за разногласий внутри руководства ЦДУМ, которое не могло определиться с делегатом (внутримуфтиятские разногласия и группировки станут основной темой и в последующих допросах). Из показаний следует, что *мухтасиб* не был знаком с докладом ЦДУМ правительству, но он предложил включить такие пункты: прекратить обложение индивидуальным налогом мулл; возвратить все культовые здания; не препятствовать работе религиозных школ; вернуть всех сосланных и раскулаченных мулл.

Относительно руководства ЦДУМ из протокола следует, что *мухтасиб* больше симпатизирует заместителю муфтия Кашшафу Тарджиманову (Тарджемани): «По моему мнению поездка самого муфтия в Москву могла

29 Мушавир — заместитель *мухтасиба*.

30 Муфтий Р. Фахретдин едет в Москву в мае 1930 г. Его принимает председатель Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК П.Г. Смидович. На этой встрече муфтий представил доклад о ситуации, сложившейся в мусульманском обществе. В нем сообщается о закрытии мечетей без согласия верующих или другим незаконным путем, о непосильном налоге на служителей исламской веры, раскулачивании их и др. См. об этом: «Все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения…»: (Свидетельство муфтия Р. Фахретдинова). 1930 г. // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 68–72.

дать больше результата, чем поездка рядового члена ЦДУ[31] и это думаю потому, что поездка муфтия как авторитетного по должности лица в некоторой степени поднимает авторитет ЦДУ в глазах верующей массы и мусульманского духовенства с одной стороны и правительство могло смотреть на него как на представителя многомиллионного населения мусульман и дать нашей религии больше облегчения, чем при поездке какого-нибудь рядового члена ЦДУ, но последняя надежда не оправдалась тем, что муфтий туп и с политикой совершенно незнаком и поэтому последнюю надежду мог оправдать только Кашаф Тарджеманов, который деловее и политичнее[32] всех остальных».[33]

Со слов Салимьярова записано, что в ЦДУМ существуют две группы:

— группа Тарджиманова, в которую из руководства входили также муфтий Фахретдин и *казия* Мухлиса Буби, а, например, из казанских религиозных деятелей — Садык Иманкулов.

— группа *казиев* Зии Камали и Магди Магкулова.

Эти же группы указаны в допросах Салимьярова и по вопросам следствия, относящимся к роспуску муфтията. Вторая группа еще с осени 1929 г. ставила вопрос «самоликвидации» ЦДУМ: для этого было необходимо всем функционерам управления отказаться от своих должностей, что было бы равносильно ликвидации организации. Против этого якобы выступал Тарджиманов, считая это политически неправильным. Он настаивал на ликвидации муфтията решением съезда духовенства, на котором можно было бы доложить о препятствиях власти в религиозных вопросах, что создало бы «дурное» настроение среди мусульман по отношению к правительству. То есть для следствия важно было зафиксировать этот аспект как подстрекательство к волнениям мусульман. Позже обсуждения самороспуска ЦДУМ в 1935 г. были также частью обвинительного заключения по т.н. «Делу ЦДУМ» 1936 г.[34]

---

31 В следственных делах, как и в целом в советском делопроизводстве, аббревиатура «ЦДУМ» всегда сокращалась до «ЦДУ» или «ДУ».

32 Так в тексте.

33 Архивно-следственное дело № 2-18359 // Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2-18359. Т. 1. Л. 115.

34 Указанные в группах люди были известными общественными и религиозными деятелями, *казиями* ЦДУМ. Мухлиса Буби (1869–1937) — основательница первого в России женского медресе в с. Иж-Бобья, первая женщина-*казий* в России. Магди Магкулов (1862–1937) — представитель казахского духовенства в ЦДУМ. Зия Камали (1873–1937) — известен как основатель медресе «Галия» в Уфе (1906). Все они пострадали в ходе репрессий 1936-1937 гг. Буби расстреляна в 1937 г. по «Делу контрреволюционной повстанческой националистической организации в Башкирии». По версии следствия организация имела филиалы в Казахстане и осуществляла связь со Средней Азией через Магкулова, который осужден и расстрелян в том же году по «Делу антисоветской панисламистской террористическо-повстанческой и шпионско-диверсионной организации» (связь с эмиграцией и японской разведкой), связанным с т. н. «Делом ЦДУМ». По тому же «Делу ЦДУМ» арестован и осужден Камали, умер в тюрьме в 1942 г.

Все это стало частью обвинительного заключения против Салимьярова, в котором зафиксировано, что связь с ЦДУМ осуществлялась в ходе поездок в муфтият самого Салимьярова, а также «членов руководящего ядра и специальных связистов»; в Уфе «организация получала установки ДУ, информировала о политическом положении в деревне». Но по протоколам допросов Салимьярова не видно ни одного полученного от ЦДУМ «указания».

По мнению ОГПУ, «руководящее ядро периодически устраивало нелегальные совещания», «из-за боязни быть замеченными органами ОГПУ, совещания ядра в полном своем составе не происходили, а также не составлялись и протоколы совещаний».[35] То есть для обвинения было важно, что «организация» проводит «совещания», хотя и нет доказательств их проведения в виде протоколов.

Интересным в «деле Салимьярова» является внешнеполитический аспект, связанный со слухами о грядущей войне против СССР. Эти настроения в советском обществе постоянно присутствовали на протяжении 1920–1930-х гг.[36] В 1920-е гг. население «ожидало» нападения от Польши, Англии, Японии, Китая и др. Распространение таких «пораженческих слухов» было частым мотивом репрессий как в 1920-е, так и в 1930-е гг., в том числе и в «мусульманских делах».

В обвинительном заключении «дела Салимьярова» также было зафиксировано распространение таких настроений о том, что: СССР разделен между семью крупными державами, некоторые из которых даже начали устанавливать пограничные столбы на своих новых границах; Польша начала войну; центральные органы власти переведены либо в Свердловск, либо в Уфу, но ее вот-вот должны занять иностранные государства.

Часть допросов самого Салимьярова касалась отношения руководства ЦДУМ к так называемому «обращению Папы Римского».[37] Речь идет об известном послании римского понтифика Пия XI, опубликованном 9 февраля 1930 г. в официальной газете Святого Престола «Оссерваторе Романо», в котором он выразил обеспокоенность преступлениями против религии в СССР и призвал всех верующих объединиться в «крестовом походе молитв» за гонимых. При этом, несмотря на все попытки Ватикана подчеркнуть духовный характер «крестового похода» и довести это до сведения руководства СССР, советская дипломатия рассматривала такую кампанию как подготовку к реальной интервенции.

35 Архивно-следственное дело № 2-18359 // Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2-18359. Т. 11. Л. 319, 320.

36 Об этом см., например: *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 годах. 2-е изд., исправ. и доп. Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2019.

37 Об этом см., например: *Беглов А.Л.* «Крестовый поход молитв» 1930 г. и реакция на него в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 4 (68) [http://history.jes.su/s207987840002219-9-1] (дата обращения: 27. 06. 2026).

По этому факту в протоколе допроса Салимьярова указано, что, например, Зия Камали незадолго перед публикацией послания отказался от должности *казия*, но затем снова вернулся в муфтият, боясь, что в этом демарше его заподозрят в солидарности с выступлением понтифика.

Допросы всех участников «дела Салимьярова» проводились весь апрель и май 1931 г. В июне всех участников снова допросили по факту предъявленного обвинения.

Интересно, что только на допросе в июне становятся известными подробности всей биографии Салимьярова, которая ранее не интересовала ОГПУ. Из нее мы узнаем, что мулла получил образование в России и за рубежом — медресе в с. Стерлибашево Уфимской губернии (ныне в Республике Башкортостан), медресе «Расулия» в г. Троицке Оренбургской губернии (ныне в Челябинской области), а также в Турции, Аравии, Египте. В 1908 г. становится муллой в д. Табанлы-Куль. В 1918 г. он был избран членом Амикеевского волостного совета, а до 1921 г. работал заведующим волостным отделом народного образования, совмещая это с религиозной должностью. Осенью 1923 г. избран *мухтасибом* 5 района Мензелинского кантона. Жена 45 лет и 9 детей, младшему из которых было 4 месяца.

В итоге по «делу Салимьярова» перед судебной тройкой ГПУ 30 октября 1931 г. предстало 66 человек, 22 из которых были муллами. 52-летний *мухтасиб* Хафиз Салимьяров приговорен к заключению в концлагере на десять лет. Он отбывал наказание в Темлаге,[38] но заседанием коллегии ОГПУ от 7 сентября 1932 г. досрочно освобожден и выслан в Северный край[39] на оставшийся срок.

На десять лет заключения также приговорен родственник *мухтасиба* — мулла с. Татарская Мушуга Мензелинского района Мрясов Гумда, сестра которого была женой Салимьярова. Четыре муллы приговорены к заключению на восемь лет, остальные муллы — на пять лет.

«Дело мухтасиба Иманкулова»

Указанная директива ОГПУ от 25 января 1930 г. «О массовой операции по кулацко-белогвардейскому и бандитскому элементам» коснулась не только села. Учитывая «неизбежное оживление городской контрреволюции, и в особенности, связанной с кулачеством», предполагалось активизировать работу и в городах. Параллельно с этими операциями ТатОГПУ готовилась новая, направленная на репрессии против влиятельного духовенства и буржуазии столицы, объединенных в «мульско-купеческую группу г. Казани». Как и прежние, это дело формировалось вокруг крупного представителя мусульманского духовенства, на этот раз — общественного

38 Темлаг — сокращенное название Темниковского исправительно-трудового лагеря в Мордовской АССР системы ГУЛАГа.

39 Северный край — административно-территориальная единица на северо-западе РСФСР, существовавшая в 1929–1936 гг., с центром в г. Архангельске.

деятеля, *мухтасиба* и имама мечети «Иске Таш» Казани Садыка (Мухаметсадыка) Иманкулова.

Из обвинительного заключения по его делу следует, что он был одной из главных «мишеней» нескольких указанных ранее массовых операций ОГПУ по Татарстану. Заключение начинается с исторического обзора о том, что в течение второй половины 1930 — первой половины 1931 гг. ТатОГПУ был «вскрыт и ликвидирован ряд мульско-купеческих контрреволюционных образований, которые ставили своей задачей срыв всех основных мероприятий Советской власти, проводимых в деревне, и возбуждение населения на восстание против Советской власти». Далее приводятся примеры дел Камалова, Сулейманова, Беркутова.

По первым двум делам одной из приоритетных задач ОГПУ было обязательное установление руководства этими группами со стороны высшего мусульманского духовенства: «В процессе ведения следствия по делам вскрытых контрреволюционных образований установлено, что все они имели живые и непосредственные связи с отдельными к/р элементами — членами ЦДУМ. Вместе с этим установлено также и то, что руководящий состав вскрытых контрреволюционных образований был связан с Казанским *мухтасибом* С. Иманкуловым, который давал им разные указания и принимал непосредственное участие в их антисоветской деятельности».[40]

По «делу Беркутова» также указывалась связь с руководящими центрами религиозного движения — Уфой (ЦДУМ) и Казанью, в частности, с *мухтасибом* Иманкуловым. В указанном историческом обзоре не приводится пример «дела Салимьярова», но, как мы видели раннее, в нем тоже фигурировала связь с Иманкуловым.

Учитывая масштаб фигуры Садыка Иманкулова, приведем полностью финальную часть обвинительного заключения. Итак, он изобличался:

«а) в том, что он как представитель реакционной части мусульманского духовенства в первые годы после Октябрьской революции повел активную борьбу с Советской властью, оказывая всемерную поддержку белогвардейским войскам и используя религиозные предрассудки масс, призывал население к добровольному и массовому вступлению в белую армию[41];

б) в том, что после окончания гражданской войны в 1921 г. в связи с голодом в Поволжье, будучи командирован в Бухару по делам Помгола, установил там связи с бухарскими националистическими элементами и возвратившись в Казань широко пропагандировал идеи панисламизма, призывая население к борьбе за религию[42];

40 По обвинению ряда лиц участников мульско-кулацкой группы // Архив УФСБ РФ по РТ. *Д*. 2-18070. *Л*. 205.

41 В 1918 г. во время занятия Казани чехословаками Иманкулов, «как мулла, владеющий ораторскими способностями, выступал на митингах и призывал к вступлению в белую армию».

42 Также после поездки Иманкулов якобы «восхвалял Бухарское правительство, шариатский суд».

в) в том, что все последние годы Иманкулов выступал в качестве организатора и руководителя к/р сил города и деревни. Являясь мухтасибом г. Казани и имея широчайшие связи в кругах духовенства Татарстана, он был фактически организующим центром многих контрреволюционных мульско-купеческих групп и повстанческих организаций, руководил их деятельностью, давал и практические указания по антисоветской деятельности и принимал непосредственное участие в осуществлении строго законспирированных связей этих групп с руководящим центром — с ЦДУ;

г) в том, что он принимал делегатов и мулл, приезжающих с мест, получал от них информацию о настроении населения, об отношении населения к войне и при этом преподавал решительно действовать в защиту религии, внушал мысль о скорой и неизбежной гибели Советской власти и рекомендовал насаждать среди населения повстанческие настроения;

д) в том, что он в своей мечети выступал с проповедями антисоветского характера, внушал верующим массам, что существующий «беспорядок» есть наказание за гонение на религию, произносил громкие молитвы об установлении на земле «порядка» и о ниспослании краха безбожникам;

е) в том, что он сгруппировал вокруг себя наиболее реакционных и антисоветских элементов, из среды казанских мулл, купцов и торговцев и весьма активно действовал со своей группой, распространяя среди населения враждебные отношения к Советской власти…».[43]

Анализ следственного дела показывает, что органы ОГПУ, как и в «деле Салимьярова», подошли к ситуации очень осторожно, т.к. арест такого авторитетного религиозного деятеля как Садык Иманкулов мог привести к недовольству как населения, так и представителей высшего духовенства.

Вначале, 28 июня 1931 г., были взяты под стражу 12 человек из бывших купцов и предпринимателей, духовенства Казани. Среди последних арестованы *мушавир* и имам Красной мечети Абдулла Бадигов,[44] имам Усмановской мечети Гариф Салихов. В первых же протоколах допросов видно, что целью следствия был сбор доказательств об антисоветской деятельности Иманкулова.

По обвинительному заключению Салихов изобличался только в том, что, входя в эту группу Иманкулова и будучи его ближайшим сподвижником, выступал в своей мечети с контрреволюционными проповедями, «возбуждая население против коммунистов, против Советской власти и предвещая неизбежный крах безбожников». На допросе 8 июля 1931 г. Салихов не отрицал факта проповеднической работы среди населения, но не согласился с ее антисоветской направленностью:

43 По обвинению ряда лиц участников мульско-кулацкой группы // Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2-18070. Л. 220.

44 Не был репрессирован.

«С проповедями в мечети я действительно выступал часто, когда я читал свои проповеди, я хорошо знал, что ваши люди там присутствуют, однако проповедей, направленных против Советской власти, я не читал. Я, например, в своих проповедях говорил верующим, что они плохо исповедуют законы религии, и что поэтому бог сейчас их наказывает, отбирая у них вещи и имущество».

Салихов не признал себя виновным, отрицал какую-либо связь с Иманкуловым и ЦДУ и выражал с ними несогласие по религиозным вопросам: «Они не использовали и не используют всего того, что написано в Коране, я же лично всегда и во всем строго придерживаюсь Корана и все делаю так, как там написано».[45] 24 июля 1931 г. ему было предъявлено обвинение, а 8 августа, очевидно с учетом его статуса и для обеспечения строжайшей изоляции, он был переведен в арестантское помещение при ОГПУ.

Только после этого 25 августа подписано постановление на арест Иманкулова.

С первых же допросов следователя интересовали вопросы о муфтияте. Одним из наиболее «продуктивных» в этом смысле стал допрос 30 августа 1931 г. Следователь начал с вопроса о том, каким путем Иманкулов получил распоряжение от *казия* Тарджиманова о выявлении секретных агентов ГПУ среди казанских имамов и муэдзинов? Иманкулову были зачитаны показания Салихова о том, что *мухтасиб* получил такое распоряжение от ЦДУМ осенью 1930 г. Иманкулов конечно отверг наличие каких-либо секретных директив. Но здесь интереснее то, что в материалах данного архивно-следственного дела таких показаний нет, т.е., возможно, они были сфабрикованы.

Ответ на этот, казалось бы, простой вопрос следователя показывает целый спектр различных аспектов истории ЦДУМ этого периода.

Иманкулов считал, что муфтият находится в кризисном состоянии, усугубившемся внутренними разногласиями, вследствие чего он не только не способен помочь мусульманским приходам и служителям, а тем более вести подпольную работу: «Добавляю при этом, что наше ДУ [Духовное управление. — И.М.] вот уже в течение последних трех лет испытывает тяжелые материальные затруднения, всех служащих своих они были вынуждены распустить, так что там остались только одни члены ЦДУ. Такой центр мусульман, как Казань и то очень мало дает средств на содержание ДУ. В силу этого в ЦДУ сейчас не до секретных бумаг и не смеют они этого делать… Что сейчас представляет из себя ЦДУ? Ничего. Все ДУ — это Кашаф Тарджеманов. Деревенские муллы еще надеются на ЦДУ, но надеются они на него потому, что они не знают. Вот я сижу сейчас с одним деревенским муллой из Мензелинского района — Салимьяровым.

45 По обвинению ряда лиц участников мульско-кулацкой группы // Архив УФСБ РФ по РТ. Д. 2-18070. Л. 21об.

Он жалуется на ЦДУ и говорит, что в их районе всех мулл без всякой вины арестовали, и что ДУ против этого никаких мер не предпринимает. А что может сделать сейчас против этого ДУ? Абсолютно ничего».[46]

Вот так неожиданно, в месте заключения, переплелись следственные дела и судьбы двух *мухтасибов*. Допросы Салимьярова к тому времени уже прекратились, и он ожидал вынесения приговора.

Немного отходя от темы архивно-следственного дела, необходимо отметить, что муфтий Р. Фахретдин все-таки предпринимал попытки повлиять на ситуацию. Известно, что он пытался, правда, безуспешно, попасть на прием к М.И. Калинину; затем в мае 1930 г. состоялась его встреча с председателем Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК П.Г. Смидовичем, где муфтий представил доклад о тяжелой ситуации, сложившейся в мусульманском обществе и предлагал прекратить незаконное закрытие мечетей, освободить из заключения и возвратить из ссылки религиозных деятелей, пересмотреть налоги и задания на них, не препятствовать отправлению религиозных обрядов.[47]

Конечно, было понятно, что в сложившейся ситуации ЦДУМ вряд ли мог исправить ситуацию. Не случайно поэтому поднимались и вопросы о его роспуске. С одной стороны, объективной причиной была усилившаяся антирелигиозная политика. С другой стороны, ЦДУМ на протяжении всех 1920-х гг. распирали внутренние противоречия, которые подпитывались искусственно и государственными органами (ОГПУ).

Ранее в своих я работах указывал, что как мухтасибатские, так и всероссийские съезды постепенно превратились в спектакли, дирижируемые ОГПУ. После 1923 г. ОГПУ вело постоянное наблюдение за мухтасибатскими съездами и поддерживало разногласия среди разных слоев духовенства. Уже при подготовке ко Всероссийскому съезду 1926 г. ОГПУ фиксирует факты недовольства членами ЦДУМ. По материалам ТатОГПУ из общей массы в этом плане выделялись некоторые *мухтасибаты* Арского, Буинского кантонов и часть духовенства Казани. Например, в докладе уполномоченного ОГПУ по Буинскому кантону отмечается, что среди духовенства имеются отдельные отрицательные отзывы в отношении некоторых членов ЦДУМ: К. Тарджиманову традиционно приписывается расход денег управления на его многочисленные поездки по стране; А. Сулейманов упрекается в безынициативности в вопросах религии; З. Камали критикуется как противник прогресса.[48] Оппозиционное настроение выражали и некоторые представители мусульманского

46 Там же. *Л.* 166–167.

47 *Одинцов М.И.* «Все религиозные организации мусульман находятся накануне полнейшего разрушения…»: (Свидетельство муфтия Р. Фахретдинова). 1930 г // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 68–72.

48 Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 9. *Д.* 3. *Л.* 26.

духовенства Казани, которые ожидали, что весь состав ЦДУМ будет переизбран.[49] На самом съезде в Уфе также высказывались нарекания в адрес М. Буби, З. Камали, К. Тарджиманова. Ближе к рубежу 1920–1930-х гг. подобные аналитические материалы ОГПУ и партийных органов очень редки. Проблема противоречий в ЦДУМ присутствует практически только в материалах архивно-следственных дел, которые еще нуждаются в исследовании в этом направлении.

Противостояние между группировками (Тарджиманова и Камали) внутри ЦДУМ ярко проявилось как в «Деле Иманкулова», так и в «Деле Салимьярова». Причиной их разногласий Иманкулов указывает желание обоих распоряжаться финансами ЦДУМ. Их примирение он считает невозможным из-за разных позиций по отношению к Башкирскому ДУМ, а также амбиций обоих стать муфтием.

Все протоколы допросов показывают, что Салихов и Иманкулов не только отвергали какую-либо организованную связь друг с другом и ЦДУМ, но и дистанцировались от руководства последнего. В протоколах допросов Салихова не раз подчеркивается его холодное отношение к *казию* Тарджиманову: «Как я его, так и он меня недолюбливаем. Я Тарджиманову совершенно не верю, считаю его пустым человеком, и не жду от него никакой пользы».[50]

В показаниях Иманкулова также отвергается наличие каких-либо тесных контактов Салихова с муфтиятом: «К. Тарджиманов был дома у Салихова не в силу хороших взаимоотношений, а просто Гариф Салихов самый богатый мулла и все у него останавливаются. У них с К. Тарджимановым принципиальные разногласия. Салихов Гариф сторонник старых традиций, а Кашаф нет».[51]

Также Салихов определил взаимоотношения Иманкулова с муфтиятом как «самые обычные, как взаимоотношения *мухтасиба* с вышестоящим органом». Ранее, когда Иманкулов не был *мухтасибом*, он имел разногласия с муфтиятом, т.к., например, был против посещения мечети женщинами; затем он якобы поменял свои взгляды. Сам же Салихов, с его слов, всегда был и остается противником посещения мечети женщинами.

В отношении Иманкулова в протоколах допросах Салихова присутствует лишь сдержанная оценка его работы и нет указаний на его «контрреволюционную» деятельность.

Анализ дела показывает, что предъявленные обвинения основывались только лишь на оперативных материалах и показаниях других участников дела. При этом вся антисоветская деятельность главных лиц — Иманкулова и Салихова — выражалась в выступлении с указанными проповедями

49 Там же. *Л*. 24.

50 По обвинению ряда лиц участников мульско-кулацкой группы // Архив УФСБ РФ по РТ. *Д*. 2-18070. *Л*. 190.

51 Там же. *Л*. 170об.

перед прихожанами. Других фактов «контрреволюционной» деятельности в документах не приводится.

Безосновательным было и обвинение в организации «мульско-купеческих групп» с установлением законспирированных связей и получением инструкций со стороны ЦДУМ. Фигуранты дела были сведены в одну организацию по причине профессиональных или личных контактов между ними, а факт руководства над ними был «установлен» по знакомствам их с влиятельными мусульманскими лидерами. Например, некий «торговец валютчик» И. Насретдинов (родом из с. Медяна ныне Нижегородской области) был определен «связистом» между «казанским духовенством, московским муллой А. Сулеймановым, ленинградским муллой М. Бигиевым и ЦДУ».

Также в вину Иманкулову вменялось участие в деятельности «нелегального медресе» в Казани. Еще в 1928 г. следствие установило, что учащиеся сдавали экзамен при Казанском *мухтасибате*, где одним из членов экзаменационной комиссии был Иманкулов.

В целом, производство этого дела произведено теми же методами, что и предыдущие. На основании постановления Коллегии ОГПУ от 26 марта 1932 г. были признаны виновными 8 человек. Садык Иманкулов, Гариф Салихов и Шакир Биккенин (бывший председатель ревизионной комиссии Казанского *мухтасибата*) были приговорены к заключению в концлагерь сроком на пять лет. Иманкулов в мае того же года скончался в тюрьме г. Красновишерска Пермской области, не выдержав этапирования в лагерь; Салихов умер уже в лагере.

Остальные пятеро приговорены к заключению в концлагерь сроком на три года. Среди них, например, сын бывшего крупного казанского купца Салих Азимов. Из дела следует, что он был инициатором и организатором сбора средств в пользу ранее указанного осужденного Якуба Адутова и других ссыльных мулл. Также в Казани собирались средства и передавались в концлагерь в пользу также ранее указанных осужденных имамов Шагара Шарафа[52] и Гаяза Якубова.[53]

Среди репрессированных был и сын имама Салихова — Мухаммед Салихов, зубной техник. В 1959 г. сын Мухаммеда обратился с ходатайством о пересмотре дела отца. Но несмотря на «оттепель», Прокуратура ТАССР признала осуждение обоснованным. Все участники дела были реабилитированы только в 1989 г.

---

52 Отбыв по делу «нелегального медресе» трехлетнее наказание в Соловецких лагерях, Шагар Шараф впоследствии был арестован уже по «делу ЦДУМ» 1936 г. (занимал должность казначея в управлении), приговорен сначала к пяти годам лишения свободы, а в 1938 г. — к расстрелу.

53 Якубов также отбывал трехлетнее наказание по делу «Хакикат Йолдызы». По материалам других архивно-следственных дел он умер в заключении. После его смерти собранные средства якобы передавались семье.

Также нужно отметить, что «дело Иманкулова» было тесно связано с закрытием мечетей Ново-Татарской слободы Казани, где с 1928 г. развернулась первая большая социалистическая стройка в городе — возведение Мехового комбината. Для осуществления этого крупного технологического и социально-политического проекта требовалось разрушить весь прежний уклад жизни и быта жителей слободы, группировавшихся в махалли вокруг трех местных мечетей. Первой закрытой мечетью этой слободы и в целом Казани стала Белая мечеть (апрель 1929 г.).[54] Практически через месяц после ареста имама Бадигова была решена судьба Красной мечети (июль 1931 г.). Сразу же после вынесения приговора Иманкулову началась кампания по сбору подписей за закрытие мечети «Иске Таш» — последней из оставшихся мечетей Ново-Татарской слободы. Однако по разным обстоятельствам она проработала до 1939 г.

Заключение

В ходе рассмотренных в настоящей статье операций ОГПУ в Татарстане был сформирован ряд групповых дел, целью которых являлась ликвидация наиболее влиятельных мусульманских деятелей как в сельской местности, так и в столице республики. Несмотря на то что обвинение в антиколхозной деятельности присутствовало практически в каждом приговоре, материалы проанализированных архивно-следственных дел свидетельствуют об их преимущественно религиозной направленности.

В этих делах отсутствуют убедительные доказательства реального участия духовенства в срыве государственных кампаний на селе, уничтожении колхозного имущества или агитации против коллективизации. Анализ материалов также не позволяет проследить даже идейное руководство группировками (в случае их фактического существования) со стороны *мухтасибов* и имамов. В целом подтверждается лишь активная религиозная деятельность последних, которая и становилась основанием для выдвижения обвинений.

В этой связи среди репрессированных оказались прежде всего наиболее известные и авторитетные муллы, устранение которых должно было способствовать ослаблению религиозной активности. Вместе с тем целью операций являлось не только преследование религиозных деятелей ТАССР: через установление связей между фигурантами дел и представителями других регионов конструировалась «контрреволюционная организация» общесоюзного масштаба.

54 Следует отметить, что, в Казани первыми начали закрывать православные церкви и монастыри. Так, в октябре 1928 — апреле 1929 гг. прекратили деятельность 12 из 52 церквей и монастырей, а из 19 мечетей не было закрыто ни одной.

Посредством подобных дел органы ОГПУ постепенно формировали материал против руководства Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) с целью его последующей ликвидации. В то же время, как показано выше, к рассматриваемому периоду муфтият уже находился в состоянии глубокого кризиса: утрачивая управляемость и будучи не в состоянии противостоять антирелигиозной политике государства, его руководители сами поднимали вопрос о роспуске. Это положение ЦДУМ осознавалось и на местах — имамами и *мухтасибами*.

Все перечисленные меры, наряду с ликвидацией системы религиозного образования, закрытием мечетей, раскулачиванием и экономическим давлением на духовенство, составляли элементы единой антирелигиозной политики.

В результате массовых репрессий конца 1920-х — начала 1930-х гг. было физически уничтожено или выведено из активной деятельности значительное число представителей духовенства различных конфессий по всей стране. Хотя некоторым муллам удалось вернуться на родину после заключения в лагерях и ссылок, многие из них уже не возобновили прежнюю религиозную деятельность. Однако и те, и другие в середине 1930-х гг. вновь стали жертвами, на этот раз еще более жестких репрессий.